

П. И. РЫЧКОВ КАК ИСТОРИК

С. А. Сидоренко

Первый член-корреспондент Российской Академии наук Петр Иванович Рычков был многогранным ученым: географом, историком, экономистом и агрономом. «Сей трудолюбивый и рачительный муж,— писал о нем его современник выдающийся просветитель Н. И. Новиков,— полезными своими трудами заслужил вечную себе похвалу»¹.

Наиболее полные данные о жизни и деятельности П. И. Рычкова содержатся в его автобиографических «Семейных записках», предназначенных им для своих детей. Копию этих записок праправнук автора Н. Д. Рычков в 1905 г. предоставил редакции журнала «Русский Архив», на страницах которого они и были опубликованы². Записки П. И. Рычкова еще до их издания использовал П. И. Пекарский в монографии «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова»³. Несмотря на столетнюю давность, эта монография до сих пор не утратила своего значения. В ней собран богатый материал о жизни и деятельности П. И. Рычкова. Кроме неопубликованных тогда еще «Семейных записок», П. Пекарский привлек переписку П. И. Рычкова с Академией наук, Г. Ф. Миллером, В. Н. Татищевым и другими лицами. Много писем и других бумаг П. И. Рычкова П. Пекарский получил от его правнука Д. Н. Рычкова. Среди них особую ценность представляют 12 писем В. Н. Татищева, содержащие рассуждения по различным вопросам русской истории и имеющие большое значение для изучения исторических взглядов как В. Н. Татищева, так и П. И. Рычкова. В течение почти ста лет монография П. Пекарского была единственной работой, в которой давалось более или менее полное освещение жизни и деятельности П. И. Рычкова. Но Пекарскому остались неизвестными многие архивные материалы о Рычкове. Кроме того, советскую историческую науку не может удовлетворить его анализ и оценка трудов Рычкова.

В последние десятилетия опубликованы работы, характеризующие П. И. Рычкова как крупного экономиста и географа⁴. Из них следует выделить исследование Ф. Н. Милькова, в котором, помимо печатных трудов, использованы некоторые рукописи П. И. Рычкова, остававшиеся до этого неизвестными или считавшиеся утерянными; наряду с био-

¹ «Опыт исторического словаря о российских писателях, собрал Николай Новиков». СПб. 1772, стр. 197.

² «Записки Петра Ивановича Рычкова». «Русский Архив», 1905, № 11, стр. 289—340.

³ П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб. 1867.

⁴ И. С. Бак. Экономические воззрения П. И. Рычкова. «Исторические записки», 1945, № 16; его же. Исследователь хозяйства России П. И. Рычков; его экономико-географические труды: «История русской экономической мысли». Т. I, ч. первая. М. 1955; Н. К. Каратаев. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в. «Вестник» АН СССР, 1950, № 3; Ф. Н. Мильков. П. И. Рычков. «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева». М. 1949; его же. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М. 1953; П. А. Ляровский. П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII века. «Географический сборник». III. М.-Л. 1954.

рафическими сведениями, в нем дан глубокий анализ географических трудов П. И. Рычкова. К сожалению, до сих пор нет таких же работ, посвященных П. И. Рычкову как историку. О нем имеются лишь краткие упоминания в курсах лекций и очерках по историографии истории СССР. В «Очерках истории исторической науки в СССР» отмечается, что И. И. Голиков (автор многотомного труда «Деяния Петра Великого»), «побывав по торговым делам в Оренбурге... познакомился там с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым и П. Рычковым, от которых... получил материалы о Петре I». Во второй половине XVIII в., говорится в тех же очерках, появились различного рода историко-географические описания, сопровождаемые историческими справками и комментариями. «Ценным трудом такого рода явилась «Топография Оренбургской губернии», составленная П. И. Рычковым... Тот же П. И. Рычков написал «Опыт Казанской истории древних и средних времен». В этом труде довольно широко использованы русские летописи и различные источники на татарском языке»⁵. Л. В. Черепнин в курсе лекций по русской историографии ограничился упоминанием о том, что И. И. Голиков, посланный хозяевами по торговым делам в Оренбург, «познакомился с начальником Оренбургского края И. И. Неплюевым и экономистом и историком П. И. Рычковым, у которых получил источники по истории времен Петра I»⁶. В учебнике по историографии истории СССР упомянуто лишь о том, что в журнале «Ежемесячные сочинения...», начавшем выходить с 1755 г., в числе других публиковались исторические работы Рычкова⁷.

Целью настоящей статьи является попытка выяснить роль и место П. И. Рычкова в развитии русской исторической науки второй половины XVIII в., когда в недрах феодализма все интенсивнее развивались капиталистические отношения, росла и крепла молодая русская буржуазия и параллельно с этим процессом зарождалось в отечественной историографии буржуазное направление.

П. И. Рычков родился в 1712 г. в Вологде, в семье разорившегося купца и вынужден был рано поступить на службу. Еще подростком он был отдан отцом в ученики к директору полотняных фабрик И. П. Тамесу, где в совершенстве овладел голландским и немецким языками, а также бухгалтерией, ознакомился с ведением производства. С большим уважением и благодарностью вспоминает П. И. Рычков о И. П. Тамесе. «Он меня как сына любил и в своей конторе не только языкам и бухгалтерству учил, но и при всех своих рассуждениях и представлениях к размножению мануфактур и к пользе Российской коммерции чиненных всегда употреблял, и хотя я тогда несовершеннолетнего еще возраста был, однако в познание оных дел еще тогда и суще от него нарочитое основание получил»⁸. 18-летним юношей П. И. Рычков стал уже управляющим Ямбургским и Жабинским стекольными заводами (в 100 верстах от Петербурга) и показал себя хорошим администратором. Затем он перевелся на службу в Петербургскую портовую таможню на должность переводчика и помощника бухгалтера. В это время П. И. Рычков как опытный бухгалтер стал известен обер-секретарю Правительствующего Сената И. К. Кирилову, и по рекомендации последнего был зачислен в качестве бухгалтера в «Известную» (Оренбургскую) экспедицию, направленную в 1734 г. на Южный Урал.

Начав службу в качестве бухгалтера, П. И. Рычков вскоре стал одним из главных помощников начальника этой экспедиции, а затем оренбургского губернатора, главным правителем соляных дел и, наконец, «главным командиром Екатеринбургского заводского правления».

⁵ «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. 1. М. 1955, стр. 216, 219.

⁶ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. М. 1957, стр. 248.

⁷ «Историография истории СССР». М. 1971, стр. 83.

⁸ «Записки Петра Ивановича Рычкова», стр. 299.

В 1743 г. он произведен в ассессоры, получил звание дворянина, был наделен землей и стал помещиком; в 1751 г. произведен — через чин — в коллежские советники, а в 1764 г. — в статские советники, то есть поднялся до высших чинов «Табеля о рангах». Чиновничью службу П. И. Рычков сочетал с систематической работой над собой и благодаря своей исключительной энергии, трудолюбию и незаурядному уму стал разносторонним ученым — географом, историком, экономистом.

В становлении П. И. Рыčkова как ученого сыграло свою роль и то обстоятельство, что непосредственными начальниками по службе у него были такие люди, как И. К. Кирилов, а затем сменивший его В. Н. Татищев, которые сами являлись не только государственными деятелями, но и крупными учеными. Особенно благотворное влияние на П. И. Рыčkова оказал В. Н. Татищев. Не случайно Рычков состоял с ним в оживленной переписке. В. Н. Татищев в своих письмах первым высоко оценил работы Рыčkова по истории. «Ваше тщение к истории, — пишет он, — обнадеживает меня многое, ко известию достойное, получить»⁹. Вместе с тем он отмечал недостатки в работах П. И. Рыčkова и советовал, как их устранить, рекомендовал и посылал ему источники, литературу, в том числе главы из своей «Истории Российской».

К концу 40-х годов авторитет Рыčkова поднялся в глазах В. Н. Татищева столь высоко, что тот посылал ему свои работы с просьбой сделать на них замечания и настоятельно добивался присуждения П. И. Рычкову звания академика. Однако вершивший всеми делами в Российской Академии наук немец Н. Шумахер, пользовавшийся безграничным доверием и покровительством президента АН графа К. Г. Разумовского, отклонил представление Татищева. Прошло еще почти 10 лет, пока, наконец, благодаря активному вмешательству М. В. Ломоносова П. И. Рычков стал членом-корреспондентом АН. По представлению М. В. Ломоносова, поддержанному другими академиками, в январе 1759 г. при Российской АН был учрежден класс академических корреспондентов и принято решение «начать сие учреждение принятием в такие корреспонденты... коллежского советника Рыčkова». В Оренбург, где находился в это время П. И. Рычков, был послан первый диплом члена-корреспондента Российской АН; в сопроводительном письме подчеркивалось: «Вы еще первый в России, которому... сия честь отдается»¹⁰. Звание члена-корреспондента АН П. И. Рычков получил прежде всего за свои труды по истории, «особенно за описание Оренбургской комиссии и губернии»¹¹.

Главными научными трудами П. И. Рыčkова, принесшими ему широкую известность, являются «История Оренбургская» и «Топография Оренбургская», «История Оренбургская», написанная им еще в 40-х годах XVIII в. и одобренная В. Н. Татищевым, была опубликована лишь в 1759 г. в журнале «Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» (т. 9, стр. 3—47, 99—142, 195—225, 291—336, 387—445, 483—502; т. 10, стр. 3—36, 99—134, 291—333, 387—414). Написание «Топографии Оренбургской» (часть первая) П. И. Рычков завершил в 1755 году. Рукопись получила высокую оценку М. В. Ломоносова и была рекомендована к печати. «Михайло Васильевич Ломоносов персонально знает меня, — с гордостью писал П. И. Рычков Г. Ф. Миллеру, — он, получа первую часть моей «Топографии», письмом своим весьма ее расхвалил; дал мне знать, что она от

⁹ П. Пекарский. Указ. соч., стр. 14.

¹⁰ «Представление М. В. Ломоносова... об учреждении «класса корреспондентов» и принятии в академические корреспонденты П. И. Рыčkова». М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 10. М.-Л. 1957, стр. 76—77; «Записки Петра Ивановича Рыčkова», стр. 314—315.

¹¹ «Записки Петра Ивановича Рыčkова», стр. 314.

всего академического собрания апробирована»¹². В начале 1760 г. П. И. Рычков завершил написание второй части «Топографии Оренбургской». В 1762 г. обе ее части были опубликованы в том же журнале и отдельной книгой. П. С. Паллас приступил к переводу ее на немецкий язык с тем, чтобы переиздать в Германии, но его опередили: в 1771 г. «Топография Оренбургская» в переводе пастора Газе (впрочем, в плохом) была издана в Берлине, а в 1772 г. — в Риге (тоже на немецком языке в переводе Рэдде). В предисловиях к этим изданиям давалась высокая оценка книге П. И. Рычкова.

В этих трудах П. И. Рычкова собран почерпнутый из различных источников богатый фактический материал по истории народов Южного Урала и прилегающих к нему областей (башкир, казахов, каракалпак и других), об их занятиях, быте, взаимоотношениях, о нашествии джунгар, ускорившем добровольное присоединение казахов к России; обстоятельно освещена деятельность Оренбургской экспедиции, участником которой являлся автор; даются справки о строительстве крепостей, переселении русских на Южный Урал и хозяйственном освоении ими этого края, развитии земледелия, имущественном состоянии и повинностях крестьян. Большой интерес представляют собранные Рычковым данные о возникновении яицкого казачества и основании Яицкого городка — первого города на Южном Урале. П. И. Рычков приводит сведения о появлении многих населенных пунктов, указывает даже время сооружения и характер отдельных, наиболее значительных зданий, подробно останавливается при этом на торговле.

В трудах П. И. Рычкова содержится богатый материал по истории горнозаводской промышленности на Южном Урале, к чему он проявлял особый интерес. Он убедительно показывает, что до монгольского нашествия здесь была довольно развита металлургия, в первую очередь медеплавильная, свидетельством чего являются обнаруженные им остатки (следы) плавильных горнов, инструментов и рудокопных ям. При этом, как отмечал П. И. Рычков, некоторые «штольни поныне немало не осыпались, но так стоят; как бы в недавнем времени работа на них производилась»¹³. Монголо-татарское нашествие нанесло сокрушительный удар уральской промышленности. П. И. Рычков показывает, что развитие ее возобновилось только в XVIII в. с приходом сюда русских людей; приводит сведения о времени постройки заводов, их основателях, обеспеченности рабочей силой, выпускаемой продукции, ее объеме, сбыте и т. д.; подчеркивает значение основания Оренбурга для развития горнозаводской промышленности на Южном Урале, от чего «и государственная и народная польза последовали»¹⁴. П. И. Рычков восхваляет отдельных предпринимателей, внесших вклад в развитие горнозаводской промышленности на Южном Урале, особо выделяя среди них И. Б. Твердышева, «который хотя и был тогда не великий капиталист, но в рассуждениях о внутренней и внешней коммерции основательно был сведущ», «со своим компанейщиком си/м/бирским же купцом Ив. Мясниковым, основал девять металлургических заводов, на которых выплавляется одной только чистой меди по 25 тыс. пудов в год, а иногда и более». П. И. Рычков считал предпринимателей «наипольнейшими членами общества»¹⁵.

Значительное место в трудах П. И. Рычкова уделяется торговле вообще и с народами Средней Азии в особенности. Он показывает, что до монголо-татарского нашествия «коммерция в Азии до самой Индии распространялась», свидетельством чего является то, что юфтяные ко-

¹² П. Пекарский. Указ. соч., стр. 35.

¹³ П. И. Рычков. Топография Оренбургская. «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева», стр. 199—200.

¹⁴ Там же, стр. 197.

¹⁵ Там же, стр. 198—200.

жи, которые вырабатывались в Волжской Болгарии, в XVIII в. в Хиве и Бухаре продолжали называться «булгары» (болгарским товаром). Затем торговые связи нарушились и вновь начали развиваться после взятия Россией Казани, а по-настоящему только после основания Оренбурга. «Сей город,— утверждает П. И. Рычков,— заложен больше всего для восстановления азиатской коммерции»¹⁶. Он обращает внимание на то, что «самые искуснейшие политики... коммерцию всегда за такое средство почитали, от которого обществам и государствам многие пользы происходят», и предпринимали «все то, что могло способствовать возвращению и умножению коммерции», восхваляет Петра I, «который зная совершенно... какая польза от размножения внутренней и внешней коммерции подданным его быть может» предусмотрел и определил все то, что могло способствовать развитию торговли с народами Средней Азии, а бывший при нем обер-секретарем Правительствующего Сената Кирилов, «имея довольный случай ведать о всех его императорского величества... намерениях к восстановлению и распространению азиатской коммерции», сделал представление о построении Оренбурга, которое и было одобрено в 1734 году¹⁷.

Приводя полностью текст привилегии, данной Оренбургу, П. И. Рычков подчеркивает, что в нем разрешалось селиться людям всякого звания и веры, как российским, так и иноземным купцам, мастерам и разночинцам, торговать и всяким ремеслом промыслять, по 1738 г. торговать беспошлинно, а затем — с уплатой пониженной (в сравнении с Астраханью и другими городами) пошлиной, постоя никакого не ставить к жителям, бесплатно отводить места для заводов и фабрик и «быть в нем магистрату — выборному»¹⁸. П. И. Рычков описывает здания, сооруженные в Оренбурге для купцов, особенно подробно — огромный каменный гостиный двор, «со сводами и с навесом так, что никакая погода торгующих тут не беспокоит»¹⁹. Он восхваляет «просвещенную монархию» за содействие торговле, за заботу о купечестве и приводит данные о быстром росте торговых оборотов с народами Средней Азии: в 1738 г. сбор таможенных пошлин в Оренбурге и Троицке составлял 547 руб., а в 1751 г. — уже 85 124 рубля²⁰.

Кроме «Истории» и «Топографии Оренбургской», перу П. И. Рыčkова принадлежит ряд других работ. Из них изданы отдельными книгами: «Опыт Казанской истории» (1767 г.) и «Введение к Астраханской топографии» (1774 г.), в которых собран значительный материал по истории народов Поволжья с древнейших времен до присоединения их к Русскому государству. При подготовке этих трудов П. И. Рычков на протяжении ряда лет собирал источники, использовал русские летописи, Степенную книгу, хронографы, известия греческих и римских авторов (Геродота, Страбона, Плиния, Птолемея и др.), сочинения восточных и западных историков, географов, путешественников (Абулгази Багадур-хана, Мавро Урбини, Карпини, Рубруквиса, Бержерона, Страленберга, Стрыйковского и др.). Некоторые данные взяты им из турецкого атласа «Джиганнами», составленного на основе исторических и географических арабских и латинских книг, а также из книг Ларунса Батламюса и Фальцуса (на персидском языке), имевшихся у казанского ахуна Ибраима и переводчика Уразмина²¹.

В. Н. Татищев считал П. И. Рыčkова знатоком истории татар и в 1749 г. послал ему главу «Истории Российской» с просьбой исправить в

¹⁶ Там же, стр. 102.

¹⁷ Там же, стр. 105.

¹⁸ П. И. Рычков. История Оренбургская. «Ежемесячные сочинения и переводы...», 1759, январь — июнь, стр. 35—47; см. его же. Топография Оренбургская, стр. 102—103.

¹⁹ П. И. Рычков. Топография Оренбургская, стр. 116—117.

²⁰ Там же, стр. 104.

²¹ П. Пекарский. Указ. соч., стр. 31.

ней погрешности и внести дополнения «по вашему большому в том известию», а затем (в письме от 1 декабря 1749 г.) благодарил его «за присланное рассмотрение о имени татар... ибо в нем много полезного нахожу». В следующем письме (в конце декабря того же года) В. Н. Татищев дал развернутую оценку «рассмотрения о татарах» П. И. Рычкова. «Ваше присланное описание народов многое мне удовольствие принесло, ибо в нем много того, чего до днесь или не знали, или вовсе смутно разумели». В то же время В. Н. Татищев отмечал и имеющиеся неясности, недостоверности, указывал на необходимость дальнейших поисков источников, и прежде всего — в Бухаре²². «Нужнейшее» из присланного П. И. Рычковым — «Рассмотрения о татарах» — В. Н. Татищев включил в 18 главу своей «Истории Российской», подчеркнув в конце: «Сие, что в известии господина асессора Рычкова показано, но надеюсь большие обстоятельства от него вскоре получить»²³. И действительно, в апреле 1750 г. П. И. Рычков послал ему «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются». Эта рукопись не застала уже В. Н. Татищева в живых и осталась неопубликованной²⁴. Сам Рычков считал ее утраченной, но она поступила 3 сентября 1750 г. в Академию наук и хранится в рукописном отделе ее библиотеки.

П. И. Рычков упорно продолжал поиски и сбор источников. В письме Татищеву от 5 мая 1750 г. он сообщал о получении от конректора лютеранской школы в Москве Апица «Ремарок», в которых «достойное ко внесению есть»; от него же получил атлас, «в нескольких картах, состоящий... он кажется не худ и достоин смотра... при /нем/ на всякую карту довольно просторно описание на латинском языке». Далее П. И. Рычков сообщает о приобретении трех новых рукописей, в том числе Петра Могилы и Феодосия, епископа Новгородского и Псковского, которые «получил от заводчика Осокина с великим трудом, а он достал из раскольничьих рук», характеризует «эти рукописи по стилю изложения, каллиграфии, определяет время написания их и выражает надежду получить еще через своих приятелей летописец Нестеров у раскольников в Исетской провинции»²⁵. В предисловии к «Краткому известию о татарах», посланном В. Н. Татищеву, П. И. Рычков указывал, что дал заказ купцам, выехавшим из Оренбурга в Бухару, чтоб они, не жалея денег, покупали бы там исторические книги, хотя на арабском языке, надеясь перевести их в организованной им Оренбургской школе на татарский, а затем и на русский язык.

Однако П. И. Рычков считал, что собранных им источников еще недостаточно для написания «полной и совершенной» Казанской истории, отмечал скудность и противоречивость известий древних авторов. «Геродот, Плиний, Страбон, Птоломей и другие, греческих и римских древних времен писатели о сих местах и народах, хотя и несколько и писали, — указывал он, — но весьма смятно, да и то затмили разными баснями и несходствами, так что кроме одной догадки никакой истины и вероятности иметь из того невозможно»²⁶. Он отмечал также противоречия в сочинениях западноевропейских авторов, а порой и просто невежества последних, расхождения в русских летописях, резко критиковал «Казанский летописец», в частности, отмечал, что «сочинитель летописи описал (плач казанской царицы. — С. С.) пространно, но ничего знатного и достойного в нем не примечается. Кажется, что сам он силился украсить его своими, из российского языка взятыми словами»²⁷.

²² Там же, стр. 15, 17, 161.

²³ В. Н. Татищев. История Российская. Т. 1. М. 1962, стр. 234—240.

²⁴ П. Пекарский. Указ. соч., стр. 29.

²⁵ Там же, стр. 24—25.

²⁶ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб. 1767, стр. 3—4.

²⁷ Там же, стр. 5, 87, 91, 100, 134.

Все это говорит о критическом отношении П. И. Рычкова к источникам и литературе, его умении анализировать источники. Он сознавал несовершенство и своего собственного труда «за недостатком к тому известий» и назвал его лишь «Опытом», выражая надежду, что «опыт сей Казанской истории... послужит началом к написанию истории полной и совершенной», «надлежит только употребить труд и прилежность»²⁸. В этом проявляется не только самокритичность и скромность П. И. Рычкова, но и его высокие требования к исследованию.

Поэтому, несмотря на имеющиеся пробелы и некоторые ошибочные утверждения (что соответствовало тогдашнему уровню исторической науки), «Опыт Казанской истории» и «Введение к Астраханской топографии»²⁹ П. И. Рычкова содержат ценные сведения по истории народов Поволжья.

Многие работы П. И. Рычкова были опубликованы в журнале «Ежемесячные сочинения и переводы...» и в «Трудах» Вольного экономического общества. Из них в первую очередь заслуживает внимания «Переписка между двумя приятелями о коммерции»³⁰, являющаяся плодом многолетнего изучения П. И. Рычковым отечественной экономики³¹. В ней впервые в русской литературе дан исторический очерк развития «российской коммерции» с древнейших времен. «Историческое описание Российской коммерции» М. Д. Чулкова вышло в свет в 1781—1786 гг., то есть через 25—30 лет после опубликования работы П. И. Рычкова. «Труд Рычкова,— как верно отмечает Е. В. Приказчикова,— оказал заметное влияние на Чулкова», который «воспринял широкое толкование коммерции» и взгляд П. И. Рычкова на «значение развития промышленности и торговли для укрепления мощи государства», на роль промышленников и купцов³².

Под «коммерцией» П. И. Рычков понимал не только торговлю, но и промыслы, ремесла, промышленность, призывал к максимальному «размножению всяких заводов, мануфактур и промыслов», указывал, что «умножением мануфактур и заводов всегда обогащаются государства и в лучшем и сильнейшем состоянии находятся не те области, которые материальными товарами (то есть сырьем — С. С.) и растущим в них (то есть продуктами земледелия — С. С.) избыточествуют, но... те, где мануфактура и полезные художества умножены и процветают»³³. Следовательно, П. И. Рычков, если еще и не осознавал, то ощущал роль экономики в развитии общества, роль промышленности в укреплении государства.

Описывая экономику Древней Руси, он отмечал, что наши предки «то что к великолепию и преизбыткам из чужих краев требовалось, получали не на серебро и золото, но больше меною на свои товары»³⁴. Основу богатства страны и ее жителей П. И. Рычков видел в развитии промышленности, указывал, что «умножением оных (мануфактур.—

²⁸ Там же. Предупреждение; см. также стр. 188.

²⁹ Содержание этой работы довольно ясно раскрывается в его полном заглавии: «Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов; а во второй — о покорении сего царства под державу российских монархов».

³⁰ «Ежемесячные сочинения и переводы...», 1755, февраль, стр. 105—122; апрель, стр. 307—338; декабрь, стр. 493—515.

³¹ Еще в начале 1750 г. он выслал В. Н. Татищеву свою работу «О торгах русских и промыслах» и получил от него похвальный отзыв, а также замечания об имеющихся в ней погрешностях и недостатках. П. И. Рычков, выразив благодарность «за рассмотрение на сочинение мое о коммерции, обещал «неисправности оного, по наставлению вашего превосходительства, поправить и недостатки пополнить», сообщал о дополнительных источниках, полученных им (П. Пекарский. Указ. соч., стр. 19 и 23).

³² Е. В. Приказчикова. Исследователь купечества М. Д. Чулков. «История русской экономической мысли». Т. I, ч. первая, стр. 402—403.

³³ «Ежемесячные сочинения и переводы...» 1755, декабрь, стр. 509.

³⁴ Там же, январь, стр. 108.

С. С.) не только капиталы богатых людей внутри государства к пользе жителей обогащаются... но и к сему еще способствуют, что продажей таких мануфактур (товаров.— С. С.) иностранным народам, знатные денежные суммы от них самих в государство получаются»³⁵. Он приводит интересные сведения о состоянии и недостатках русской «коммерции» в середине XVIII в., указывает необходимые меры к ее улучшению. В связи с этим П. И. Рычков высоко оценивал роль купцов, под которыми разумел не только торговцев, но и промышленников, растущую буржуазию, утверждал, что «купцы — наипольнейшие члены в обществе», что они достойны дворянского звания. В то же время он указывал, что и «дворянину купцом быть не стыдно». Это говорит о том, что П. И. Рычков выступал как идеолог развивающейся русской буржуазии, формировавшейся из промышленников и купцов, приспособившихся к феодально-крепостническому строю, а также вступавшего на путь капитализма «торгующего» дворянства.

П. И. Рычков проявил также большой интерес к истории развития сельского хозяйства. В его «Письме о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях»³⁶ содержатся обстоятельные сведения о развитии земледелия в этих губерниях более чем за 100 лет, описываются тогдашние земледельческие орудия, способы ведения хозяйства, обработки земли, посева, уборки урожая, цены на хлеб и т. д. При этом П. И. Рычков указывал практические меры к улучшению состояния сельского хозяйства. Он написал специальную статью «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии»³⁷, в которой подчеркивал, что «здесь земли пространные, кто хочет, тот пашет сколько может», и предлагал переселять сюда людей с Украины и из Свияжской провинции, «где в годных землях для земледелия оскудение». В обширной статье П. И. Рычкова «Ответы на экономические вопросы, касающихся до земледелия... в рассуждении Оренбургской губернии» содержится значительный материал об имущественном состоянии, повинностях государственных и помещичьих крестьян, о сбыте излишков сельскохозяйственной продукции и ценах на нее³⁸. На основании изучения довольно большого круга литературы и личных наблюдений П. И. Рычков осветил историю русского пчеловодства, начиная со времен Киевской Руси³⁹. Он выражал уверенность, что его описание поможет улучшить постановку дела, «которое и в самые наши древние времена обществу великую пользу делало и ныне приносить может».

Заслуживает внимания статья П. И. Рычкова «Наказ для управителя или прикащика»⁴⁰, написанная в связи с конкурсом, объявленным Вольным экономическим обществом, за которую ему была присуждена большая золотая медаль⁴¹. В этой статье П. И. Рычков (ставший сам помещиком и заводчиком), не осуждая крепостного права в целом, выдвигал ряд предложений, направленных на облегчение участи крепостных крестьян: ограничить эксплуатацию их «разумными пределами» (не более трех дней барщинных работ в неделю); заботиться об их здоровье; не посылать на тяжелые работы беременных женщин; создавать хлебные запасы, из которых в случаях неурожая выдавать ссуды крестьянам; содействовать им в «домостроительстве»; поощрять «к

³⁵ Там же, декабрь, стр. 510.

³⁶ Там же, 1758, май, стр. 410—428; июнь, стр. 483—524.

³⁷ «Труды» Вольного экономического общества (далее — «Труды» ВЭО), 1767, ч. VII, стр. 1—25.

³⁸ Там же, стр. 11—212.

³⁹ П. И. Рычков. О содержании пчел. «Труды» ВЭО, 1767, ч. V, стр. 150—196; его же. Первое продолжение о пчелах. Там же, 1768, ч. IX, стр. 1—27; его же. Выпись из разных писателей о пчелах и краткие о них примечания. Там же, стр. 139—163; его же. Третье продолжение о пчелах. Там же, 1769, ч. XI, стр. 1—34.

⁴⁰ «Труды» ВЭО, 1770, ч. XVI, стр. 11—68.

⁴¹ «Записки Петра Ивановича Рычкова», стр. 332.

заведению овощных огородов, плодовых садов и пр.». В статье «Примечания о прежнем и нынешнем земледелии»⁴², написанной в историческом плане, П. И. Рычков шел еще дальше. В ней содержится критика самого феодального общества, указывается на рост паразитизма помещиков, их расточительность, с негодованием говорится о дворянах, которые окружают себя многочисленной дворней, отвлекая крестьян от производительного труда в земледелии. В старину, отмечал П. И. Рычков, помещики стремились прежде всего «умножить земледелие», «умножали в крестьянах охоту к земледелию», «поощряли к тому крестьян», сами «были в том предводители и надзиратели», «жили в деревнях своих умеренно и бережно», «имели слуг при себе человека по два или по три». Нынешние же помещики, указывал П. И. Рычков, «имея то же число крестьян, или еще меньше... содержат при себе немалое число официантов и ливрейных служителей, а к тому для выезда нарядный, двойной, или еще и тройной экипаж», за честь себе ставят выстроить пространные дома, богато их убирать, украсить, допускают излишества и не заботятся о земледелии. «О прочем в рассуждении нынешнего деревенского житья не вступаю уже в подробности,— пишет П. И. Рычков в заключение,— опасаясь, дабы не раздражить мне тех многих знакомцев, соседей и приятелей».

Таким образом, П. И. Рычков, хотя и с «опаской», подверг довольно резкой критике феодально-крепостнический строй с точки зрения развития производительных сил. Несмотря на то, что эта критика не имела целью ликвидацию этого строя, она в условиях России того времени имела прогрессивное значение, так как была направлена на то, чтобы содействовать развитию производительных сил страны⁴³.

П. И. Рычков является первым историком Крестьянской войны 1773—1775 гг., свидетелем которой он был лично. Находясь в осажденном Оренбурге, он внимательно наблюдал за ходом событий, вел подневные записи, используя не только личные наблюдения, но и разные «приватные известия». Затем в его распоряжение был предоставлен походный журнал генерал-майора П. М. Гагарина и журнал Оренбургской губернской канцелярии, в котором регистрировались по датам все события. На основе этих источников «самовидец и слышатель многого» дал обстоятельное описание хода осады Оренбурга, привел много интересных и важных известий о Крестьянской войне в целом, характеризующих ее движущие силы. Он отмечает, что «казаки и жители тамошние все поддавались ему (Пугачеву.— С. С.) охотно», особенно подчеркивает, что Пугачева поддерживали заводские крестьяне, которые «пришед в возмущение и побив приказчиков своих в ту толпу пришли (под Оренбург.— С. С.), да пушек, забранных... из разоренных крепостей и заводов с 80 привезли»⁴⁴. П. И. Рычков отмечает сочувствие восставшим и переход на их сторону башкир, татар, калмыков и других народов.

Будучи сам помещиком и заводчиком, пострадавшим во время Крестьянской войны⁴⁵, П. И. Рычков, конечно, не мог сочувствовать восставшим, называл их бунтовщиками, грабителями, а самого Пугачева — «разбойником», «злодеем» и «вором». Однако, несмотря на это, П. И. Рычков с присущей ему добросовестностью и объективностью от-

⁴² «Труды» ВЭО, 1767, ч. VI, стр. 56—68.

⁴³ «История русской экономической мысли». Т. 1, ч. первая, стр. 489.

⁴⁴ П. И. Рычков. Осада Оренбургская. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. IV. М. 1936, стр. 577 и 602.

⁴⁵ «...Село мое Спасское с двумя деревнями,— отмечает П. И. Рычков,— сообщниками злодея разорено и бывшие там пожитки... и не малая моя бывшая там библиотека расхищена и хутор мой подгородный... Маловский злодеем самим ограблен и выжжен, которое мое разорение по самой меньшей цене считают, гораздо больше 20 тысяч. Но все оное, хотя и великое разорение не столько меня огорчило, как безвременная кончина старшего моего сына» (который погиб в битве с восставшими под Симбирском.— С. С.). «Записки Петра Ивановича Рычкова», стр. 335).

мечает положительные качества руководителя Крестьянской войны, его энергию, личную храбрость, распорядительность и незаурядные полководческие способности, умение привлечь к себе народ обещанием вольностей, подчеркивает, что он «находил всегда способы совокуплять и умножать свои силы»⁴⁶. Отмечая умелую тактику Пугачева при осаде Оренбурга, П. И. Рычков показывает растерянность и нераспорядительность оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа, что удачно использовал Пугачев. Так, П. И. Рычков приводит воззвание губернатора, опубликованное 30 сентября 1773 г., в котором утверждалось, что Пугачев — беглый донской казак и за злодеяния свои наказан кнутом «с поставлением на лице его знаков». Е. И. Пугачев, «зная оные публикации... имел случай, сообщникам своим показывая лицо свое, толковать, сколь злобно и напрасно на него затевают и клеветают, а через то уверяя о себе многих, и мог он еще больше усиливать свою партию»⁴⁷. П. И. Рычков сообщает о распоряжении Рейнсдорпа об отгоне из города («из-за недостатка кормов») скота, который попал в руки восставших, а в Оренбурге возник голод; уличает губернатора в преуменьшении потерь, понесенных в борьбе с восставшими.

Не удивительно, что труд П. И. Рыčkова об осаде Оренбурга повстанцами, посланный в Академию наук, не увидел света. Лишь в 1834 г. его опубликовал А. С. Пушкин в качестве приложения к своей «Истории Пугачева». А. С. Пушкин дал высокую оценку как этой рукописи, так и другим трудам П. И. Рыčkова. «Трудолюбивый Рычков, автор «Оренбургской топографии» и многих других умных и полезных изданий, — указывал он в предисловии к «Истории Пугачева», — оставил любопытную рукопись о сем времени... Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной, которые составляют неоценимое достоинство людей того времени»⁴⁸. «Осада Оренбургская», или «Летопись Рыčkова», как назвал ее А. С. Пушкин, послужила ему одним из важнейших источников для написания «Истории Пугачева». А. С. Пушкин неоднократно ссылается на «Летопись Рыčkова», на его «Историю...» и «Топографию Оренбургскую». Такие ссылки имеются и в тексте «Истории Пугачева», а описания некоторых событий текстуально весьма близки к тому, как они даны П. И. Рычковым⁴⁹. «Осада Оренбургская», или «Летопись Рыčkова», не утратила своего значения и до сих пор. В. В. Мавродин характеризует ее «как ценнейший источник» для исследования Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева⁵⁰.

П. И. Рычков проявил большой интерес и к Крестьянской войне 1670—1671 годов. Еще в 1769 г. (то есть до начала Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева) он начал собирать материал о движении под предводительством С. Т. Разина. Во время осады Оренбурга он описал «Астраханский бунт Стеньки Разина и его сообщников» и вместе с письмом выслал рукопись Г. Ф. Миллеру, попросив его о содействии в ее опубликовании. Однако эта работа так и не увидела свет⁵¹. Лишь недавно рукопись ее была обнаружена в «портфеле» Г. Ф. Миллера и опубликована Л. З. Мильготиной⁵². Основным источни-

⁴⁶ П. И. Рычков. Осада Оренбургская, стр. 667.

⁴⁷ Там же, стр. 579.

⁴⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VIII. М. 1965, стр. 479—480.

⁴⁹ См., например, описание допроса Пугачева в Яицком городке. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., Т. IV, стр. 495—496 и 671—672, или описание свидания Рыčkова с Пугачевым в Симбирске. Там же, стр. 496—497 и 672—673.

⁵⁰ В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. М. 1961, стр. 14.

⁵¹ П. Пекарский. Указ. соч., стр. 138.

⁵² См. Л. З. Мильготина. Труд П. И. Рыčkова о восстании под предводительством Степана Разина. «История и историки». Историографический ежегодник. 1972. М. 1973, стр. 365—400.

ком для написания данного труда послужило П. И. Рычкову «Старинное описание» о бунте С. Разина, которое «по его подробностям гораздо обстоятельнее, чем я читывал у наших и иностранных писателей»⁵³. В Предупреждении к своему сочинению П. И. Рычков уточняет, что это «описание сына боярского Петра Золотарева, составленное в 1679 г. (то есть вскоре после подавления восстания.— С. С.), «с такими обстоятельствами и подробностями, каких в изданных на свет нигде видеть мне не случилось»⁵⁴. Привлекая другие источники и литературу, П. И. Рычков исправляет, сокращает, дополняет и комментирует текст «Описания». При этом ход восстания освещается с позиций господствующего класса (осуждая «бунт», подробно описывает «злодейства Стеньки Разина и его единомышленников», расправы с дворянами и детьми боярскими). Однако со свойственной ему добросовестностью П. И. Рычков и здесь показывает сочувствие народа восставшим, переход на их сторону горожан и стрельцов.

П. И. Рычковым созданы и другие исследования, до сих пор не опубликованные, в том числе «Лексикон Оренбургской губернии», к работе над которым он приступил в начале 1776 года. В письме Г. Ф. Миллеру от 28 января 1776 г. Рычков сообщал: «Я разослал уже во все присутственные здешние места справки о присылке потребных к оному известий»⁵⁵. А в письме тому же Г. Ф. Миллеру от 24 марта 1776 г. он писал: «Я уже большую часть до сего принадлежащих известий собрал»⁵⁶. 8 декабря 1776 г. П. И. Рычков послал генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому первую часть «Лексикона» «от литера А по литеру М», а в феврале 1777 г. закончил его полностью и отправил в Петербург «к его сиятельству»⁵⁷. Рукопись долгие годы считалась утерянной, и лишь в 1948 г. она была обнаружена П. Е. Матвиевским в архиве ЛОИИ АН СССР⁵⁸. Краткая характеристика и оценка «Лексикона» дана Ф. Н. Мильковым⁵⁹. «Лексикон Оренбургской губернии» является последней крупной работой П. И. Рыčkова. Рукопись насчитывает 512 листов. В ней наряду с географическими сведениями содержится богатый материал по истории Южного Урала.

Многие работы П. И. Рыčkова, о которых имеются известия, утрачены или еще не выявлены. К их числу относятся: «Краткое известие о побеге калмыков», посланное в Академию наук Г. Ф. Миллеру одновременно с письмом от 24 июня 1771 г.⁶⁰; «Описание о уходе калмыков», посланное Миллеру 17 ноября 1771 г.; «Исторический экстракт», написание которого было поручено Рычкову П. И. Паниным в 1774 году. О том, что это поручение было выполнено П. И. Рычковым, свидетельствует его письмо Г. Ф. Миллеру от 26 декабря 1774 г., в котором он сообщал: «Его сиятельство первым моим трудом, по предписанию его чиненным, столь доволен был, что пожаловал мне от имени ее величества 2 000 рублей»⁶¹. До сих пор не обнаружено продолжение «Истории Оренбургской», которое, как это видно из писем П. И. Рыčkова, он написал в 1774—1775 гг. и просил Г. Ф. Миллера опубликовать. Но тот предложил автору издать продолжение за свой счет⁶².

⁵³ П. Пекарский. Указ. соч., стр. 136—137.

⁵⁴ Л. З. Мильготина. Указ. соч., стр. 373.

⁵⁵ П. Пекарский. Указ. соч., стр. 151.

⁵⁶ Там же, стр. 152—153.

⁵⁷ Там же, стр. 154.

⁵⁸ См. П. Е. Матвиевский. К истории изучения географии и производительных сил Оренбургского края по рукописям и архивным документам XVIII века. «Известия» Чкаловского отдела Географического общества, вып. 2, 1948, стр. 77.

⁵⁹ См. Ф. Н. Мильков. К 175-летию со дня смерти П. И. Рыčkова. «Известия» АН СССР, серия географическая, 1952, № 5, стр. 34—39; его же. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды, стр. 127—131.

⁶⁰ См. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 128—130.

⁶¹ Там же, стр. 149.

⁶² Там же, стр. 60 (примечание), стр. 150—151.

В целом труды П. И. Рычкова представляют собой заметное явление в русской историографии второй половины XVIII века. Естественно, что они во многом устарели. Но, как указывал В. И. Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»⁶³.

П. И. Рычков внес существенный вклад в изучение истории нашей Родины, особенно ее юго-восточной окраины. Его труды и поныне используются при изучении истории Южного Урала в XVIII веке. Он первым среди русских ученых обосновал необходимость изучать местную историю. «Как к географическим чертежам, на которых многие государства представляются,— указывал он,— для лучшего изъяснения всех подробностей, потребны бывают специальные или особые начертания, так равномерно и общая история всей России, чтобы быть ей полною и совершенною, по величине империи и множеству ее провинций, из которых в древние времена во многих бывали особенные царства и княжения, необходимо требует особенных написаний»⁶⁴.

Труды П. И. Рычкова послужили в свое время образцом для создания ряда работ по истории отдельных городов и областей России⁶⁵. П. И. Рычков расширил тематику исследований, ввел в научный оборот много новых источников, в том числе сочинения восточных авторов. Он положил начало изучению истории народов, вошедших в состав России (башкир, татар, казахов, калмыков и др.); при этом его интересовали не ханы и предводители, а сами народы, он даже пытался установить истоки их происхождения.

Взгляды П. И. Рычкова во многом еще совпадали с традиционными представлениями дворянской историографии. Так, он придавал большое значение в общественном развитии просвещенному абсолютизму, не поднялся до понимания закономерности исторического развития. Однако он уже признавал огромное значение промышленности и торговли для дальнейшего развития и укрепления государства. В отличие от многих дворянских историков, которые силу и благополучие государства связывали только с прочностью «единовластительства», П. И. Рычков основу их видел в коммерции, в процветании промышленности и торговли, развитию которых абсолютистское государство способствовало.

Будучи сам предпринимателем и помещиком, П. И. Рычков не выступал против устоев самодержавия; крепостное право представлялось ему незыблемой основой существующего строя, но он выступал против его крайностей и первым в печати подверг довольно резкой критике растущий паразитизм и расточительность помещиков. Он выступал против оценки людей «по знатности породы», а не по их делам и «заслугам Отечеству», заявляя, что не только «знатные», но и «посредственные», то есть простые, люди достойны внимания историка.

Все это позволяет считать П. И. Рычкова одним из предшественников зарождавшегося буржуазного направления в русской исторической науке. Характерными признаками этого направления являлись повышенный интерес к вопросам экономического развития, стремление расширить круг исторических деятелей, показать роль промышленников и

⁶³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 178.

⁶⁴ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории.... Предупреждение (страницы не нумерованы).

⁶⁵ В 1784 г. вышел труд В. В. Крестинина «Исторические начатки о двинском народе»; в 1790 г.— его же «Начертание истории города Холмогор»; в 1792 г.— его же «Краткая история города Архангельска». А. Ф. Шафонский в 1786 г. написал «Черниговского наместничества топографическое описание» (издано в Киеве в 1851 г.). Е. Болховитинов в конце XVIII в. дал «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежского края». П. А. Словцов написал «Историческое обозрение Сибири» — капитальный труд, изданный в 1838—1844 гг. (см. «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. 1, стр. 219, 572, а также Ф. Н. Мильков. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды, стр. 81).

купцов, подход к изучению и освещению истории с точки зрения интересов формировавшегося класса буржуазии. Но этот подход не был еще связан с новой методологией. Представители зарождавшегося нового направления продолжали оставаться в кругу старых понятий дворянской историографии, заимствовали ее идеи, в том числе тезис о роли просвещенного абсолютизма в общественном развитии. Взгляд на историю как на закономерный процесс в русской буржуазной науке утвердился лишь в XIX веке. Но фактический материал для усвоения этой идеи накапливался уже во второй половине XVIII века ⁶⁶.

Своими трудами П. И. Рычков внес значительный вклад в накопление элементов ранней буржуазной историографии в России. Поэтому его имя по праву можно поставить в один ряд с именами И. И. Голикова, В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова, С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова, Я. П. Козельского, с трудами которых связано зарождение во второй половине XVIII в. русской буржуазной историографии.

⁶⁶ См.: Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 247 и сл.; И. Д. Ковальченко. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР. «Вопросы истории», 1963, № 8, стр. 74.